

SECURITY-БОЕВИК

КИРИЛЛ МАКСИМОВ

СТОРОЖЕВОЙ
ВОЛК

Security-боевик

Кирилл Максимов
Сторожевой волк

«ЭКСМО»

2014

Максимов К.

Сторожевой волк / К. Максимов — «Эксмо», 2014 — (Security-боевик)

Отставной прапорщик Богдан Князев работает грузчиком на овощной базе – никакой другой работы бывшему военному найти не удалось. Однажды он заступает за бесправного гастарбайтера, и хозяин базы – Сулейман – жестоко наказывает «русского шакала». Богдана избивают на протяжении нескольких дней и собираются забить до смерти... Но на овощной базе вдруг объявляется бывший командир прапорщика – капитан Бакланов. Он спасает Князева и предлагает ему непыльную высокооплачиваемую работу – охранником в приличной фирме. Потрясенный событиями последних дней Богдан, не раздумывая, соглашается. Через пару дней прапорщик вдруг вспомнит, что неожиданное появление капитана на базе странное и даже подозрительное. Но будет уже поздно...

© Максимов К., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кирилл Максимов

Сторожевой волк

Глава 1

В пейзаже каждого района большого города обязательно присутствие такого элемента, как «точка». Официально это заведение может носить разные названия. Иногда неприкрыто откровенные, типа «рюмочная», «распивочная»... Иногда слегка закамуфлированные: «вечерний», «место встречи»... или же ретроспективно исторические: «трактирь», «кабак»...

Но суть этих заведений от названия не меняется. Их предназначение всегда одинаково – дать возможность «страждущему» принять дозу спиртного в промежутке от утра до позднего вечера.

Дело, в общем-то, полезное. Человек может выпить свои выверенные сто-двести граммов и при сильном желании остановиться, а не влить в себя всю бутылку, приобретенную в винно-водочном отделе.

Публика в таких заведениях собирается пестрая. Здесь никого, по большому счету, не интересуют твоё социальное положение и род занятий. Ты – один из многих любителей выпить. На огонек таких «точек» может спокойно заглянуть каждый, у кого в кармане имеется свободная «копейка», тот, кто может позволить себе сам оплатить свою выпивку. Это может быть и пенсионер, и творческий человек, работяга и средней руки бизнесмен, загнавший после сложного трудового дня машину во двор, а затем традиционно снимающий стресс вечерней дозой спиртного. Таких на «точках» называют «своими», они люди уважаемые. А ещё есть всякие асоциальные типы, которым вход внутрь заведения неофициально воспрещен, они не могут оплатить себе выпивку, а потому побиваются неподалеку. Рассказывают выдуманные и реальные истории, чтобы разжалобить более состоятельных любителей выпить и сшибить у них сколько-то десятков рублей.

Имеется такая точка и в районе на южном выезде из Москвы, называется она «Вечерний огонек». Небольшой зальчик с прилавком, над которым возвышаются золоченые пивные краны, полки с начатыми бутылками спиртного, а по стенам стойки для посетителей.

Уже второй год бывший прапорщик ВДВ Богдан Князев каждый вечер навещался на «точку», ближайшую к его дому. Вот и этим вечером он заглянул в «Вечерний огонек». Сыпал мелкий снежок, и оттого серый унылый район, возведенный в восьмидесятые годы прошлого века, казался немного праздничным.

Богдан поднялся на крыльцо универсама, прошел вдоль витрин, залитых призрачно-зеленым светом, и оказался у заветной двери, за которой можно было приобрести свою порцию вечернего забвения. На улице, у парапета, поставив на него свои пластиковые стаканчики и бокалы с пивом, расположились трое курящих мужчин. Внутри заведения курить было строго запрещено, вот и выходили время от времени на улицу. Двоих из них Богдан знал, это были «свои» – вечерние завсегдатаи, третий был ему незнаком – скорее всего, кто-то из залетных.

– Добрый вечер, – поприветствовал он знакомых.

– Добрый.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Прозвучали дежурные слова: «Как дела?», «Хорошо. А как у тебя?», «Как всегда»...

Богдан Князев зашел внутрь распивочной. У стойки сгущилась компания молодых мужчин с двумя женщинами. Они отчаянно жестикулировали, перебивая друг друга. Это были глухонемые, сошедшие на расположенной рядом станции с электрички, где продавали всякую мелочовку. «Свои» с ними практически не контактировали, хоть и встречались здесь почти

каждый вечер. Глухонемые являлись закрытой кастой со своими темными интересами. Богдан справедливо полагал, что добрая половина из них отлично умеет говорить и все слышит, а инвалидами по слуху лишь прикидывается, чтобы легче было совершать мелкие кражи в поездах.

Он подошел к стойке, снял кожаную кепку, пригладил волосы, провел ладонью по четырехдневной щетине.

– Как всегда? – спросила полная крашенная блондинка в зеленом сарафане-униформе с подвешенным к пышной груди бейджиком. – Сто пятьдесят, стакан томатного, пустой бокал, пластиковый ножик и две пачки «Явы»?

– Как всегда, Маша, только на этот раз блок спичек прибавь, в смысле, десять коробков, – согласно кивнул Богдан, в мыслях отметив, что, с одной стороны, это хорошо, когда тебя узнают и помнят твой «продуктовый» набор, с другой стороны, если это буфетчица распивочной, где проворачивается чуть ли не тысяча людей за день, то такое узнавание является «однако, тенденцией». Ты слишком часто тут появляешься.

Блондинка в сарафане ловко влила в стеклянный мерный цилиндр сто пятьдесят граммов водки.

– Ты даже на деления не смотришь, – дежурно пошутил Князев.

– А зачем? – пожала плечами Маша. – Рука у меня набитая до грамма, не промахнусь. Деления у нас для посетителей, чтобы видели – их не обманывают. А то всякие бывают. Если человеку сильно выпить хочется, а денег мало, ему постоянно кажется, что не доливают. Но это не ваш случай.

Очереди не было, поэтому Богдан стал прямо на месте готовить свой фирменный коктейль, наливая в пустой пивной стакан водку и томатный сок, стекающие тонкой струйкой по пластиковому ножу.

– Ловко у вас получается, – заметила Маша. – Каждый раз за вами слежу. Слои не пере мешиваются. Слово блин на блин кладете. Я так не умею.

– Практика большая, – честно признался Князев.

Глухонемые, наверное, что-то не могли поделить, они беззвучно «кричали», размахивая руками друг у друга под самым носом, и Богдан чувствовал себя не совсем уютно. Он не любил присутствовать при чужих ссорах. К тому же пить привык «под сигарету». Он рассовал коробки спичек по карманам куртки и подался на улицу. Трое мужчин все еще стояли у парапета. Тут тоже спорили. Завсегдатаи даже на время забыли о своих недопитых стаканчиках. Любитель исторических экскурсов пятидесятилетний Александр, со стянутыми на затылке в жидкий хвостик редкими волосами, поблескивал очками в металлической оправе и горячо возражал:

– ... никогда не называйте ресторан кабаком.

– Почему это? Мы всегда так говорили. И при СССР, и сейчас, – примирительно произнес седой старичок с острой, клинышком бородкой.

– Ресторан еще можно с натяжкой назвать трактиром, – сказал Александр и с наслаждением затянулся дорогой ароматизированной сигаретой с запахом вишни. – Трактир в русской традиции – заведение, где не только наливают, но там еще можно заказать что-то горячее. А вот в кабаке подавали исключительно выпивку, в крайнем случае можно было прикусить баранками.

К компании приблизился, но не решался подходить явно асоциальный элемент. Об этом свидетельствовал огромный синяк под глазом, разбитая губа и давно не чищенные ботинки.

– Мужики, – начал он. – У меня на вечер немного выпивки осталось. Но мне еще на утро надо. А то помру. Хотя бы маленькую. Возьмите кто, а? Если не жалко.

– У меня лишних денег нет, сам на «подсосе», – отозвался Богдан.

Любитель исторических экскурсов Александр выдержал паузу, а затем сказал:

– Ты чего нас всех обманываешь, Бурый?

– Как это, обманываю? – возмутился тот, кого называли Бурым, при этом никто из завсегдаев «Вечернего огонька» толком не знал – кличка это или фамилия. – Я же честно на пузырь прошу. Не рассказываю, будто мне матери на лекарство надо.

– Ты вчера нам всем тоже обещал, что «помрешь», но тебе никто не дал. А сегодня ты жив остался, значит, обманул. Обещания выполнять надо, иначе второй раз не поверят.

– Какой второй раз, на хрен, если я утром сдохну? Меня ж в эпилепсию бросает, – резонно заметил Бурый.

– Не сдохнешь, – пообещал Александр. – Иди отсюда, не стой над душой, тут люди культурно отдыхают, а ты мешаешь.

– В плохом вы сегодня настроении, мужики, – вздохнул Бурый.

– Мужик, это тот, кто землю пашет, короче говоря, крестьянин, – уточнил Александр. – А у меня по маме прадед – столбовой дворянин. Знаешь, почему столбовой? Откуда такое слово пошло? И, кстати, настроение мое здесь ни при чем. Я тебе на утреннюю выпивку не даю принципиально. Пить с утра категорически нельзя.

Бурому нужен был пузырь, а не исторические экскурсии.

– Скоро магазин закроется, – сказал он. – Пойду, пошустрю у входа. Мир не без добрых людей.

Он ушел, а Александр стал подробно рассказывать, почему к слову «дворянин» добавляли определение «столбовой». Эти объяснения Богдан еще слушал, он любил «образовываться» при случае. Книги по истории не читал, ведь написаны они были обычно заумным языком, через который сложно пробиться. А вот если человек объяснял доходчиво, своими словами, можно и послушать. Однако, когда в разговор вступил «залетный», Князев сразу же потерял интерес. Тот ни с того ни с сего стал объяснять, что главное для мужчины быть выбритым, носить отутюженные брюки и начищенные туфли. Вот тогда и отношение у всех будет к нему уважительное.

– Вот, как я, – хвалился он. – Могу быть даже сильно выпившим, но никто мне и слова не скажет...

Богдан вообще перестал слушать, слова пролетали мимо его ушей. Он стоял, цедил свою «Кровавую Мэри» и смотрел на лежавшую через неширокую улицу слабо освещенную лесополосу, которую местные почему-то привыкли называть парком, хотя на самом деле это в основном были сами собой разросшиеся деревья под отключенной лет пять назад линией электропередачи. За ней пролегла железная дорога. То и дело в темноте проползали электрички, тяжело грохотали длинные составы товарняков, пролетали пассажирские поезда. Их освещенные окна казались перфорацией киноплетки с фильмами о чужой счастливой жизни. Люди ехали по делам, в гости, на отдых, а Богдан оставался лишь зрителем, с относительным комфортом расположившимся возле бетонного парапета с порцией выпивки.

– Да. Пока, до встречи... рад был видеть... и тебе того же... – машинально, не вникая в суть сказанного, говорил он завсегдаеям «Вечернего огонька», когда те протягивали руки для прощания.

Никто никому ничего не обещал, людей, собиравшихся здесь, по большому счету, объединяла лишь выпивка. И то не коллективная, посвященная какому-нибудь событию, а индивидуальная, личностная. Каждый платил за себя, каждый заказывал то, что любил. Пили, не чокаясь, без тостов, сколько кто хотел, или же насколько позволяли финансы и расписание завтрашнего дня.

Вскоре Богдан остался один у парапета, продолжая смотреть на железную дорогу, на растянувшиеся вдоль нее, еле угадывающиеся в темноте старые кирпичные склады. Почти каждый день в этом месте он думал об одном и том же, прокручивая воспоминание в голове, объяснявшее, почему он сейчас небритый, в мятых брюках и нечищенных ботинках стоит здесь и пьет.

Нет, он не опустил окончательно. У него была какая-никакая работа, жил он в своей однокомнатной квартире, но стержень жизни, ее смысл оказались потерянными. Князеву вспомнилась фраза, слышанная им от любителя исторических экскурсов Александра: «Жизнь теряет смысл, когда начинаешь над этим смыслом задумываться. Поэтому и пьешь».

Сколько уже раз он возвращался в мыслях к событиям полуторалетней давности, круто изменившим его жизнь. Пытался понять, что он мог сделать по-другому, чтобы избежать катастрофических перемен. Однако не находил собственных ошибок. Он все сделал, как подсказывали ему обстоятельства, совесть и здравый рассудок. Выходит, судьба? По-другому поступить было нельзя? Сама судьба загнала его к парапету перед «Вечерним огоньком»? Недаром он иногда машинально называл его в мыслях «Вечным огоньком»...

Глава 2

Полтора года тому назад...

Перед внутренним взором Князева вновь возник пейзаж, врезавшийся в память. Северный Кавказ, по разбитой горной дороге ползет колонна машин. Впереди командирский «УАЗ», за ним желтый банковский броневичок, а следом тентованный «КамАЗ» с десантниками. Гудят моторы. Воздух напоен летними запахами гор, пылью и тревогой. Места-то беспокойные.

Прапорщик Князев сидел тогда в головном «УАЗе». Ему, исполнявшему должность командира взвода, капитан Георгий Бакланов, командовавший отдельной ротой ВДВ, отдал приказ сопроводить по горной дороге инкассаторский броневик, под завязку забитый наличностью. Кому и на какие цели везут деньги, прапорщик не знал, да и не должен был этого знать. Так же, как ему не сообщили и о дальнейшем маршруте инкассаторской машины. Ему со своими бойцами предстояло лишь охранять ее на самом опасном горном участке дороги до ближайшего города, где сопровождением уже должны были заняться силы МВД.

Богдан надеялся успеть вернуться в расположение еще засветло. Ведь именно на сегодняшний вечер он наметил то, что считал чуть ли не главным событием в своей жизни. Вот уже полгода, как он и его командир капитан Бакланов ухаживали за одной и той же девушкой. Двадцатилетняя красавица Кристина Давыдова была из местной казачьей семьи. Она ни одному из своих ухажеров не отдавала предпочтения. Другой бы на месте Князева уже отступился бы, все-таки соперничать с командиром не с руки. Но Богдан понимал, эта любовь, наверное, последняя в его жизни, и нельзя терять шанс. Именно сегодня он хотел предложить Кристине руку и сердце – стать его женой.

Колонна только что миновала перевал и неторопливо втягивалась в горное ущелье. Богдану очень не нравилось это место. Дорога узкая, даже толком не развернешься, не объедешь препятствие. Стоит одной машине остановиться, как встает и вся колонна. С обеих сторон нависали скалы, покрытые лесом. «Зеленка» же для боевиков, как вода для рыбы – родной дом и среда обитания.

– Побыстрее не можешь? – обратился Князев к водителю, молодому контрактнику с тонкой шеей.

– Не получается, товарищ прапорщик, – покрутил тот головой. – Дорога такая, что не разгонишься. Подвеску жалко, машина-то новая.

Парень и так ехал достаточно быстро для подобной ситуации, умело тормозил двигателем, не давая «УАЗу» разогнаться на каменистой дороге. Этот участок имел плохую славу. Здесь постоянно случались какие-то несчастья. То у машины откажут тормоза, и она, разогнавшись, врежется в скалы, то боевики устроят засаду. Правда, по свежей информации, переданной разведкой, здешние горы в последний месяц были чисты от боевиков. Но кто может сказать такое с уверенностью? Боевик – понятие условное, это же не регулярные части. Сегодня он бегаёт с автоматом в руках по горам, а завтра мирно копается у себя на огороде, играет с детьми. «По свистку» банду собрать несложно, особенно, если на кону стоит крупная добыча.

Нехорошее чувство не покидало Князева. Оставалось надеяться лишь на то, что если он, кому поручили сопровождать броневик, узнал о грузе, маршруте и времени полтора часа тому назад, то эта информация просто физически не могла попасть к противнику.

«УАЗ», натужно ревя мотором, спустился в самую низкую точку ущелья и начал подъем. Богдан вытер вспотевший лоб. Здесь, внизу, ветра совсем не чувствовалось, воздух буквально замер. Ни один листик не шелохнется, ни одна травинка не покачается.

– Горы, товарищ прапорщик, это, конечно, красиво, – произнес словоохотливый водитель. – Но мне больше нравится...

Договорить парень не успел. Случилось то, чего, в принципе, не должно было случиться, то, чего Князев опасался больше всего. Воздух прорезал свистящий звук. Метрах в двадцати перед машиной красной лилией расцвела вспышка взрыва, а затем почти сразу же ее накрыла ударная волна. Со скал застрочил пулемет, ударили автоматы. Еще один снаряд миномета лег уже совсем рядом с «УАЗом».

Богдан увидел, как водитель упал головой на руль. Из тонкой шеи, пробитой осколком или пулей, толчками выходила кровь. Неуправляемый «УАЗ» сошел с дороги, уткнулся носом в выступающую скалу, его развернуло поперек дороги. Банковский броневик попытался с разгону сдвинуть его, но забуксовал на подъеме и заглох. Князев выкатился из машины и отполз, укрывшись за камнем. Из «КамАЗа» уже выпрыгивали десантники, на ходу открывали огонь, разбегались по укрытиям.

Водитель грузовика даже без приказа действовал грамотно, он стремился развернуть опустевшую машину и увести ее из зоны обстрела. Дорога была совсем узкой, приходилось дергаться взад-вперед буквально по метру, выворачивая машину. Уйти задним ходом по извилистой, как тропа, дороге было практически невозможно.

Десантники, как могли, прикрывали отход транспорта. Строчили по скалам, заставляя боевиков вжиматься в камни, не давая поднять им головы. Но миномет стоял вне зоны прямого обстрела, где-то прятался и не выдававший себя выстрелами корректировщик. Взрывы ложились все ближе и ближе к разворачивавшемуся грузовику.

Инкассаторский броневик уже сдавал задним ходом. Но тут с противоположного, молчаливого до этого края ущелья загрохотал крупнокалиберный пулемет. Мгновенно снесло капот броневика, подбросило его в воздух и кинуло на скалы. Инкассаторов не спасли даже толстые пуленепробиваемые стекла. Густой пар повалил из простреленного радиатора. Броневик замер. Воспользовавшись завесой дыма и пыли, Богдан подбежал, заглянул в кабину банковской машины. Спасать, вытаскивать кого-либо уже не было необходимости. Все, что осталось от людей выше бронированной дверцы, представляло собой ужасное кровавое месиво.

Он побежал к своим отстреливающимся бойцам. Бежал, петляя. За ним то и дело вздымались фонтанчики от пуль, но везение пока оставалось на его стороне.

– Занять оборону! Не дать им спуститься! – кричал прапорщик на ходу, хотя десантники и так уже выполняли этот приказ.

Богдан краем глаза заметил, как «КамАЗ» с пылающим брезентом сумел-таки вывернуть и, ускоряясь, пошел на подъем.

– Молодец! – вырвалось у него.

Но он тут же крепко выругался, увидев, как снаряд миномета угодил в кузов грузовика, и машина, объятая пламенем, покатила назад, набирая скорость. Утешением могло служить лишь то, что водитель успел выпрыгнуть на ходу и откатился за камни. Пылающий «КамАЗ» ударил задним бортом в замерший броневичок и впечатал его в «УАЗ».

– Черт! – Богдан рванул вперед.

Он уже видел лица своих десантников, когда ногу вдруг пронзила острая боль, он почувствовал, как горячая липкая кровь течет под штаниной в берцы. Колено само собой подогнулось, и Богдан упал. Подгребая руками, он пополз к спасительным камням, из-за которых к нему тянули руки бойцы.

– Товарищ прапорщик, держитесь, – рванулись к нему сержант со старшиной и под обстрелом затащили в укрытие.

– Зацепило, – прошептал Князев.

– Да тут не зацепило, товарищ командир, а разворотило, – заметил старшина, разрезая ткань камуфляжа. – Жгут дайте!

Вокруг не умолкала стрельба, и Богдан, не обращая внимания на боль и головокружение, крикнул связисту:

– Ротного вызывай!

– «Браслет», «Браслет», ответьте «Браслету пять»... – склонился тот над рацией.

Командир роты капитан Бакланов отозвался только через минуту.

– «Браслет» на связи. Что там у тебя, Князев?

– В засаду попали... – Богдан доложил обстановку и запросил помощи.

– Сейчас, прапорщик, я тебе ничем не могу помочь. Держись своими силами. Оба взвода задействованы. Высокое начальство встречаем. Не могу же я охрану летного поля оголить.

– «Вертушку» вызывай. Они на краю ущелья, их только с воздуха или минометом накрыть можно.

– Я-то «вертушками», как понимаешь, не команду. Попробую помочь. Подожди.

Но слабая надежда угасла через несколько минут. Капитан Бакланов вновь вышел на связь и сообщил, что поддержки с воздуха не предвидится. Нет свободной «вертушки», все задействованы на охране прибывающего высокого начальства.

– Короче, прапорщик, приказа отходить, не вытащив с собой банковский броневик, я тебе дать не могу. Сам понимаешь, – упавшим голосом сообщил капитан Бакланов. – «Вертушка» будет только через час, а то и полтора, но будет, это точно. Так что – держись!

– Нам столько не продержаться.

– Тогда могу посоветовать действовать по обстановке, со всеми вытекающими для меня и тебя последствиями. Ты уж извини. Так обстоятельства сложились. Конец связи.

Если бы у Князева в распоряжении имелся миномет, это изменило бы расклад сил и он обязательно накрыл бы врага. Но миномет был у противника, и он им умело пользовался. Взрывы ложились все ближе к позициям десантников. Сами боевики предпочитали не высовываться. И вот уже взрывы стали ложиться среди камней, за которыми укрывались бойцы Князева.

За пятнадцать минут он потерял убитыми троих десантников и серьезно ранеными четырех. Не нужно знать высшую математику, чтобы понять – через час-полтора он потеряет всех людей, при этом долбаный броневик с наличкой так и не спасет. До подлета «вертушки» его по любому захватят боевики. Деньги – всего лишь резаная бумага, а людские жизни бесценны. Князев и так уже опаздывал с решением. Дал бы в безнадежной ситуации приказ отходить сразу, спас бы жизни ребят.

– Отходим! – принял он непростое для себя решение.

Как ни странно, боевики повели себя по правилам войны, лишь только поняли, что десантники отступают, прекратили обстрел из миномета и дали возможность прапорщику и его людям уйти, забрав с собой раненых и убитых.

Этот момент потом много раз «обсасывался» во время расследования, и каждый раз трактовался не в пользу Князева. Мол, подобное милосердие боевиков может иметь лишь одно объяснение – сговор между ним и бандитами. Якобы Князев сдал им банковский броневик. Продержись он еще полтора часа, подоспела бы подмога. А так в ущелье был обнаружен подорванный броневик, и деньги из него исчезли.

А сам Князев, грешным делом, подозревал в сговоре с боевиками своего командира – капитана Бакланова. Ведь маршрут следования банковского броневика прокладывал он. Но вскоре прапорщик свои подозрения отбросил и даже устыдился их. Ведь в основном благодаря показаниям Георгия Бакланова дело так и не дошло до суда над Богданом. Капитан не стал перекладывать всю вину на него, не стал скрывать и свой «совет» действовать по обстоятельствам, постоянно напоминал о спасенных жизнях, даже заявил, что в сложившихся обстоятельствах поступил бы точно так же, как повел себя прапорщик.

Князеву, можно сказать, повезло. Учитывая его ранение и прошлые заслуги, под суд его так и не подвели, просто комиссовали по состоянию здоровья. Поплатился и капитан Бакланов, ему под сильным давлением пришлось написать рапорт и расстаться со своей должностью.

Правда, пока Князев валялся по госпиталям, красавица Кристина, которой он так и не успел предложить руку и сердце, выскочила замуж за его командира – капитана Бакланова.

После этого Князев с Баклановым не виделись, хоть оба и жили в Москве. Не то чтобы специально избегали встречи, просто Князеву не хотелось ворошить былое. Все равно ничего уже не изменишь, жизнь сложилась так, как было угодно судьбе.

Богдан проклинал себя, что раз за разом прокручивал в памяти тот трагический день своей жизни. Это самоедство опустошало душу, терзало совесть. Он все пытался понять, что сделал не так, и не находил ответа.

Вот и теперь он стоял у выщербленного бетонного парапета у «Вечернего огонька», смотрел на проносившийся на фоне старых складов пассажирский поезд и чуть ли не в кровь кусал нижнюю губу. Да, его жизнь после того боя не задалась. Но он остался жив, а вот трое ребят из его взвода погибли. Уж лучше бы погиб он сам. Пусть бы пуля угодила не в ногу, а в голову, в сердце...

– Нарушаем? – донесся до его слуха официальный голос.

Богдан повернул голову. Рядом с ним стоял наряд полиции – молоденький лейтенант и умудренный жизнью, начинающий сесть сержант. Князев даже не сразу понял, о чем идет речь.

– А?.. – невнятно переспросил он.

– Нарушаем? – вновь прозвучал вопрос. – Распиваем спиртные напитки в общественном месте, – пояснил лейтенант.

Почему-то офицер говорил во множественном числе, хотя Князев у парапета стоял один.

– Так здесь можно, – пожал плечами бывший прапорщик ВДВ. – Тридцать метров от точки розлива – не запрещается.

– Грамотные все стали, – усмехнулся лейтенант. – Тогда можно и на экспертизу проехать. Будут «промили» в крови, будем оформлять, как нахождение в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения. И тридцать метров от точки розлива не помогут. Ну, так как?

Князев умом понимал, что с полицией ссориться нельзя, поэтому примирительно произнес:

– Извините, товарищ лейтенант. Я же здесь не распиваю, просто стою, покурить вышел. Сами знаете, какой там контингент. Оставишь бокал на стойке, могут и выпить.

– Идите внутрь, – смягчился после этих слов лейтенант. – Не провоцируйте нежелательный инцидент.

– Спасибо, – через силу поблагодарил «душевного» правоохранителя Князев.

Загасив недокурную сигарету, он вернулся в распивочную, поставил недопитую «Кровавую Мэри» на стойку. Пить расхотелось. «Своих», с кем бы можно было поговорить, уже не наблюдалось, все какие-то «залетные» или совсем неинтересные. Богдан снова вышел на улицу, бормоча про себя: «Испортили вечер».

Однако приученный к определенной вечерней дозе спиртного организм требовал своего. Богдан знал – не «догонится», не уснет, а завтра с утра на работу. «Догнаться» – совсем не означало напиться, свою практически ежедневную норму Князев знал четко. В универсаме он взял плоскую бутылочку водки «ноль-два» и пачку томатного сока. Теперь можно было отправляться домой.

На улице по-прежнему падал мелкий снег, белил тротуар и плечи прохожих. Князев поднял воротник и собрался двигаться дальше, как вдруг к нему шагнула стоявшая возле крыльца молодая женщина. Она попыталась что-то сказать, но Богдан шел так быстро и решительно, что она не успела сделать этого. Уже пройдя вперед с десятков шагов, Князев услышал у себя за спиной возмущенное:

– Что ты мне предлагаешь? Украла, а теперь втюхать хочешь! – громко прозвучал мужской голос.

– Кто вам дал право? – тихо отозвался дрогнувший женский голос.

Богдан не любил ввязываться в уличные разборки. Никогда наперед не знаешь, что у людей на уме. Захочешь разнять, а дерущиеся объединятся против тебя. Такое в его практике уже случалось. Но он все же обернулся. Молодая женщина стояла на тротуаре с планшетником в руках и вздрагивала, хватая воздух ртом. Ее абсолютно не волновало, что на экран сыплется мелкий снег.

Если что и могло тронуть очерствевшее сердце бывшего прапорщика, так это вид плачущей женщины.

– Что случилось? – подходя к ней, спросил Богдан.

– Он... он... сказал, что я его украла, – выдавила из себя та.

– А ты его не крала?

– И вы туда же. Да пошли вы все!

Молодая женщина совсем не походила на воровку или на любительницу выпить.

– Продаешь, что ли? – поинтересовался Князев, показывая на планшетник.

– Продавала, – отрезала она.

– Теперь передумала?

– А вам какое дело?

– Может, я купить хочу.

– Правда?

– Правда, – кивнул Богдан. – Но только в том случае, если скажешь, почему продаешь.

– Деньги нужны.

– Это не ответ. Деньги по-разному нужны бывают.

– Мать у меня в больнице.

Сколько раз за последнее время Князев уже слышал рядом с универсамом подобное, но теперь поверил – женщина плакала очень искренне.

– Сколько хочешь за свой планшетник?

– Три тысячи хватит. Новый, он шесть стоил.

– Трех у меня нет, – честно признался Богдан. – Могу дать только две, – и буквально вдавил в сжатую ладонь деньги.

– Так не пойдет, – возмутилась молодая женщина, пытаясь вернуть купюры.

– Бери, а планшетник себе оставь. Мне он не нужен.

Женщина оторопело посмотрела на Богдана, не веря в происходящее.

– Я так не могу. Вы мне хоть адрес свой или номер телефона оставьте. Появятся деньги, я отдам.

– Не надо адреса. Меня по вечерам здесь часто можно найти в такое время, – махнул Князев рукой в сторону «Вечернего огонька». Но тут же понял, что сморозил глупость – по большому счету, предложил молодой женщине наведываться в распивочную, куда и не каждый мужчина посчитает приличным зайти. – Есть, чем адрес записать? – спросил он.

– Планшетник только. – Женщина быстро включила его, и экран засветился неживым светом.

– Тебя как зовут? – поинтересовался Богдан после того, как продиктовал свой адрес.

– Лариса. Но обычно друзья Ларой называют.

– Ну, счастливо тебе, Лариса. Пусть мама побыстрее выздоравливает.

Сказав это, Князев развернулся и быстро зашагал к улице, за которой темнели деревья. В кармане оставалось совсем немного денег. Но большего и не нужно было, на работе с ним рассчитывались в конце каждого трудового дня наличными. На «Вечерний огонек» и ужин хватало всегда.

Он поднялся на свой третий этаж. Дверь его квартиры была единственная из трех на площадке обита дерматином. Обивка за годы истрепалась. В двух других – стальные двери сияли

новеньким лаком. Богдан криво улыбнулся. Зачем ему стальная дверь? Все равно в квартире, по большому счету, нечего брать. Ни дорогой техники, ни денег.

Ужинал он по привычке не на кухне, а в комнате. Включил телевизор, поставил перед собой на журнальный столик тарелку с нарезанной колбасой, открытую банку зеленого горошка и принялся священнодействовать – наливать в высокий стакан слои водки и томатного сока.

Глава 3

Вагон утренней электрички раскачивало. Внутри было полно народа, в основном мужчин. Пахло влажной кожей курток, дубленок, перегаром и одеколоном. Богдан стоял ближе к тамбуру, чтобы не пришлось пробираться к выходу на своей станции. Зашипели тормоза, состав остановился, приняв в себя еще с десяток пассажиров.

– Осторожно, двери закрываются, – донеслось из динамиков. – Следующая станция «Платформа рабочая».

«Моя», – мысленно отметил Богдан.

Во рту слегка чувствовался привкус выпитого вчера и выкуренной перед посадкой сигареты. Электричка, набрав скорость, выскочила на мост, прогрохотала по нему и пошла на спуск. Еще полгода назад Князев подъезжал на работу на своих стареньких «Жигулях». За руль садился специально, чтобы ограничить себя с вечера в спиртном. Но пару раз опоздал, попав в пробки, и поставил машину на прикол. На электричке подъезжать было и быстрее, и дешевле. А теперь, когда подморозило, то и удобней, можно было срезать дорогу, пройдя через поле.

Богдан сошел на платформу, дождался, пока уедет состав, перешел пути и зашагал от станционного поселка к видневшемуся в отдалении высокому зеленому металлическому забору оптовой овощной базы. Скрипел под ногами тонкий слой снежка, потрескивала подмерзшая земля вспаханного с осени поля. Воздух после города казался удивительно свежим. Даже закурить расхотелось. Князев почувствовал, что согрелся от быстрой ходьбы, расстегнул куртку.

Охранник-кавказец на въезде только смерил Богдана взглядом и пропустил без лишних слов. Князев был одним из немногих русских грузчиков, а потому все его здесь знали в лицо.

Десяток «южных» фур стояли в очереди на разгрузку. Водители кучковались у одной из машин, пили кофе, курили. Напарники Богдана – двое немолодых кавказцев-гастарбайтеров – сидели на овощных ящиках. На работу они никогда не опаздывали, потому что жили прямо на овощной базе в строительном вагончике вместе с другими земляками. У них «дома» Князев никогда не был. Не потому, что брезговал. Просто не любил, когда ему лезут в душу, а потому не лез в душу и к другим. У каждого найдутся свои сокровенные тайны, неудачи в жизни, приведшие человека на оптовую овощную базу. Зачем о них знать посторонним? Все отношения сводились исключительно к общению по профессии.

Электричка приходила так, что Богдан успевал на рабочее место за четверть часа до начала трудового дня. Как раз, чтобы не спеша переодеться.

– Подгоняй машину! – крикнул он водителю ближайшей фуры.

Свою работу, как ни странно, Князев даже любил. Она позволяла не только получать каждый день «живые» деньги, что избавляло от необходимости планировать даже ближайшее будущее, но и помогала забыть. Только таская ящики, он мог не думать о прошлом. Движения становились автоматическими, а из всех мыслей и рассуждений оставались лишь те, которые касались разгрузки – как поставить ящики, чтобы штабель не развалился.

Одна фура, вторая, третья... – считал про себя разгруженные машины Князев. Надсмотрщик Сулейман прохаживался вдоль ramпы, поглядывая на часы, проверял, не ленятся ли грузчики. Если ему казалось, что разгрузка задерживается, он останавливался и пристально смотрел на рабочих. Одного его строгого взгляда хватало, чтобы начиналось ускорение. Еще бы, ведь именно Сулейман расплачивался в конце дня. В его воле было поощрить или же наказать рублем.

Обычно работа шла непрерывно, исключая двадцатиминутную паузу на обед. Но сегодня что-то пошло не так. После четвертой фуры образовалась пустота. Пузатый Сулейман тут же куда-то исчез, явно не желая слышать справедливые упреки из-за отсутствия фронта работы.

Очередная порция фур подъехала лишь через два часа. Вместе с машинами появился и Сулейман. Вновь он ходил неподалеку, высматривая, к чему можно придаться. Логика надсмотрщика проста: больше придинок за день – меньшая сумма к выдаче на руки к вечеру. Считать деньги Сулейман умел, а любимым его арифметическим действием было вычитание.

И вновь пошли ящики с хурмой, с мандаринами. Князев уже с трудом держался на ногах. Особенно он спешил с разгрузкой последней фуры. Рабочий день уже кончился, а нужно было еще успеть на электричку, следующая шла только через полтора часа.

– Баста! – облегченно выдохнул он, когда опустевшая фура отъехала от разгрузочной рампы. – Пошел переодеваться.

Но тут же рядом возник вездесущий Сулейман.

– Какое баста? Слушай, а?

– В чем дело? – возмутился Богдан. – Рабочий день уже пятнадцать минут как кончился. Имеем полное право разойтись. Только расплатиться с нами не забудь.

– Еще две фуры! – Сулейман для убедительности выбросил под нос Князеву два волосатых пальца. – Две фуры, и только тогда по домам. Ясно?

– Это с какого такого бодуна мы должны тебе еще две фуры разгружать? Надо было их подгонять, когда мы без дела по твоей вине сидели.

– Отказываешься работать?

– Отказываюсь.

– Ну, тогда ничего и не получишь. И они не получат, – показал он на других грузчиков. – Да?

Князева заело. Несправедливость он на дух не переносил. Если бы Сулейман предложил оплатить лишь сделанную работу, Богдан согласился бы, но оставить неоплаченной уже выполненную, это было за границами его понимания.

– Или ты платишь, или пожалеешь, – процедил он сквозь зубы. – Пару лет назад я таких, как ты, пачками по «зеленке» отстреливал.

– Ты кому угрожаешь? – прищурился Сулейман. – На себя посмотри, вояка, – фашист переодетый, алкаш конченный. Или ты разгружаешь две фуры, или потом я тебя даже перебирать гнилую картошку с бомжами не поставлю.

– Деньги давай, – протянул руку Князев.

То ли Сулейман не так понял этот жест, то ли и в самом деле решил ударить строптивого грузчика, но, так или иначе, кавказец замахнулся, а Богдан автоматически ударил первым – кулаком в челюсть. Подошвы ботинок оторвались от земли, и грузный Сулейман рухнул в своем кашемировом длинном пальто на грязный – разьеженный, растоптанный – снег.

– Я же сказал, пожалеешь, – проговорил Князев, уже понимая, что совершил ошибку.

Сулейман поднялся на четвереньки, ощупал челюсть, сплюнул кровью и, тихо ойкая, поднялся на ноги, после чего бросился убежать, крича:

– Убивают! Охрана!

Пожилый грузчик-кавказец покачал головой:

– Зря ты, Богдан, так. Теперь всем плохо будет. Разгрузили б мы эти фуры, ничего бы с нами не стало.

– С вами – может быть, а я на электричку опаздываю.

– Уже опоздал, – прищурившись, произнес грузчик, глядя на бегущих к рампе охранников склада, за которыми семенил Сулейман.

Один громила сжимал в руке арматуру, второй размахивал пистолетом-травматиком.

– Ой, плохо будет, – проговорил грузчик и попятился к раскрытым воротам.

Богдан спрыгнул с рампы и двинулся навстречу охранникам. Те были настроены решительно. Сразу видно, что разговаривать они не намерены, а станут бить сразу, как только поравняются. В принципе, этого и следовало ожидать. Сулейман не мог себе позволить уронить соб-

ственное достоинство в глазах своих «рабов». Бунтовщика следовало показательно покарать, чтобы другим неповадно было.

– Валите его! – крикнул надсмотрщик.

Князев переводил взгляд с одного охранника на другого, решая, с кем завязаться первым. Громилы уже перешли на шаг, они приближались, чуть разойдясь в стороны. Наконец Богдан сделал выбор – первым предстояло вырубить обладателя травматика.

Охранник вскинул руку с пистолетом и выстрелил без всякого предупреждения. Промазал, даже уклоняться Богдану не пришлось, пуля ушла в темную глубину хранилища. Второго шанса Князев ему не дал. Травматик выпал из заломанной руки, мощный удар под дых, нанесенный снизу, довершил дело, охранник сложился пополам, захрипел и упал на землю. Богдан отскочил в сторону, и очень вовремя – арматурный прут уже со свистом рассекал воздух. Князев и громила смотрели друг на друга. Сулейман испуганно пятился, то и дело проводя тыльной стороной ладони по губам и косясь на кровавый след на пальцах.

Охранник, поигрывая арматурой, двинулся на Богдана.

– Я тебя сейчас...

Что именно, он не уточнял. Князев медленно отступал. Арматура вращалась в руке охранника все быстрее и быстрее. Когда Богдан уткнулся спиной в рампу, громила криво усмехнулся и сделал выпад. Стальной прут стремительно пошел вниз. Богдан уклонился, и металл врезался в металлическую бровку бетонной рампы с такой силой, что полетели искры.

Еще один удар, еще... Каждый раз Князев уклонялся в сторону. Охранник хрипел, размахивая своим грозным оружием, способным с одного удара разнести череп или переломить кости. Когда громила стал выдыхаться, Богдан уперся руками в рампу, резко выбросил вперед ноги и врезал ему каблуками в грудь. Тот хрипло хватанул воздух, отлетел и плашмя рухнул на землю. Богдан подхватил выпавшую арматуру.

– Слушай, не надо. А? – запричитал Сулейман. – Я тебе заплачу. Брось эту штуку, – покосился он на толстый стальной прут.

– Ты всем заплатишь.

– И тебе, и им. Как скажешь, так и сделаю.

Он уже полез в карман, когда из-за угла хранилища выбежали двое полицейских. Сулейман тут же ожил и завопил:

– Он убить меня хочет!

Взывать к совести правоохранителей было бесполезно – Богдан несколько раз своими глазами видел, как эти самые полицейские «кормились» из рук Сулеймана, беззастенчиво беря от него деньги. При желании и при определенной доле везения, учитывая наличие у полицейских табельного оружия, он мог бы повалить и этих двух, но поднять руку на человека в форме при исполнении не мог себя заставить. Полицейские остановились, и один из них скомандовал:

– Брось арматуру, и мордой в землю!

– Не очень и хотелось. – Богдан отбросил арматурный прут, но, вместо того чтобы выполнить вторую часть приказа, просто поднял руки.

– Я сказал, мордой в землю!

Охранники базы уже осмелели, поднялись с земли, хотя до этого изображали из себя полутрупы.

– Да чего с ним разговаривать? – осклабился громила, поднимая с земли травматик.

– А ты заткнись, умник! Охранником здесь работаешь, а нам за тобой разгрести приходится, – подмигнул своему напарнику сержант.

Богдан даже не сопротивлялся, когда его повалили на землю, надели на запястья за спиной наручники. Сержант еще специально дернул их, чтобы браслеты потуже затянулись.

Охранник, у которого Князев забрал арматуру, подбежал и ударил его ногой в бок.

– Отставить, – лениво бросил сержант.

Громила не стал спорить, отошел в сторону.

– Ну что? Вызываем наряд, везем в отделение, протокол, – прокашлявшись, сказал сержант. – Повезло тебе, Сулейман, что мы рядом оказались и выстрел слышали.

Надсмотрщик сразу сообразил, что полицейские напрашиваются на деньги. Калькулятор в его голове защелкал. Он судорожно подсчитывал, где теряет, а где находит. Эти менты были уже прикормлены, и не раз, следовательно, удовольствуются малым. Не заплати им сейчас, завезут бунтовщика в отделение, составят протокол, будет заведено дело. Вот тогда и начнется. На овощной базе появится их начальство, потом прокурорские, наедут за нелегалов, которые тут неофициально работают. Платить придется уже в соответствии с количеством звездочек на погонах и занимаемой должности. А это совсем другие расценки. Такой расклад Сулеймана не устраивал.

– Э, дорогой, – проговорил он, растягивая разбитый рот в улыбке. – Зачем отделение, зачем протокол? Мы здесь и сами разберемся. Давай поговорим, – обратился он к сержанту.

– Поговорить всегда можно, – согласился правоохранитель. – Выслушаем мы твои аргументы. Если убедишь, будет по-твоему.

Полицейские отошли с Сулейманом в сторону, перешли на шепот. До слуха Князева долетали лишь обрывки разговора. Он лежал в грязном снегу со скованными за спиной руками. Где-то далеко прогрехотала электричка, на которую он опоздал. А менты все торговались с Сулейманом.

«Как барана на рынке покупают», – с досадой подумал Богдан.

Наконец зашелестели купюры, ударили по рукам. Сделка свершилась.

– Погодите наручники снимать, – бросился к сержанту охранник.

– Что ж, я тебе их подарить должен? – возмутился полицейский.

– Сперва его свяжем, а там и снимите.

Князева связали по рукам и ногам веревкой. Полицейский снял наручники и, чтобы не стать свидетелем расправы, вместе с напарником мгновенно улетучился. Тут уж охранники отвели душу, со всей силой пиная Богдана ногами.

– Хватит, – остановил их Сулейман. – Время уже позднее, по домам пора. Завтра решим, что с ним делать.

Князева подхватили и потащили в хранилище. Там забросили в каморку с разбитыми ящиками, и металлическая дверь с лязгом закрылась. Никто даже не стал развязывать с него веревки.

Глава 4

Переливающаяся зеркальными стеклами громада недавно возведенного на месте старых домов жилого здания ступенями уходила к затянутой первым ледком Язуе. Из-за этого, в общем-то, немаленькая река казалась чуть ли не ручейком. Такие дома в народе принято называть элитными. Хотя смысл слова, если посмотреть толковый словарь, никоим образом не связан со строительством, скорее, с племенным животноводством. Но законы, по которым развивается язык, не всегда соотносятся с формальной логикой. Просто люди, как справедливо заметил классик, любят говорить красиво. А «элитный дом» звучит красиво. Будто бы обитают в нем не люди из плоти и крови, а небожители.

Давно прошли те времена, когда практически в любой дом можно было просто так зайти в подъезд. Теперь в каждом крупном городе найдется немало жилых зданий, к которым даже не приблизишься. Тут же появится охранник и поинтересуется, к кому вы, с какой целью. И только получив исчерпывающую информацию, связавшись с нужным жильцом, убедившись, что гостя ждут, откроет заветную дверь.

Сверкающий черным лаком дорогой джип с тонированными стеклами подъехал к воротам элитного дома на набережной Язуы. Путь ему преграждал полосатый пластиковый шлагбаум. Охранник выбрался из стеклянной будки и неторопливо подошел к машине, но рассмотреть сидевших в ней людей так и не смог, видел лишь собственное отражение. Боковое стекло с тихим жужжанием поползло вниз. Увидев лицо водителя, охранник тут же напряженно улыбнулся, как и должен улыбаться человек своему благодетелю.

– А, это вы, – проговорил он. – Здравствуйте. Не сразу узнал. В прошлый раз вы на другой машине приезжали.

– Раз не узнал, значит, богатым буду, – произнес с легким кавказским акцентом обладатель вполне приятного тенора.

– Конечно, будешь, – подтвердил сидевший рядом с ним баритон и поднял руку, на которой блеснули золотые перстни.

– Тот, о ком мы говорили, дома? – поинтересовался тенор.

– Дома еще, дома, – согласно закивал охранник и воровато осмотрелся, не идет ли, не едет ли кто из жильцов. Видимо, ему не слишком хотелось, чтобы кто-то видел, как он пропускает на подземный паркинг чужую машину.

Тенор помахал в окне сложенной вдвое зеленой купюрой:

– Как договаривались. Бери.

Охранник ловко перехватил деньги и привычно сунул их в карман.

– Порядок. Только вы это... аккуратнее. Не подведите.

– Ты ж меня знаешь. Мы все аккуратно сделаем. Нам только поговорить надо. И претензий потом к тебе никто предъявлять не станет. Еще спасибо скажут.

– Проезжайте.

Полосатый шлагбаум взметнулся вверх. Черный джип неторопливо въехал в черный провал паркинга.

– Поаккуратнее рули, не по горам едем, – напомнил баритон, напряженно следя за тем, как сидевший за рулем спутник вписывается в узкий проезд.

– Ты за свою машину не переживай, – хохотнул тенор. – Ничего с ней не случится.

Джип заехал на паркинг. Машин внизу было немного. Время рабочее, жильцы разъехались по делам. Под потолком неярко горели лампы.

– Вот сюда, за колонну заезжай. Не стоит светиться раньше времени, – посоветовал баритон.

– А что? Место хорошее, – согласился тенор. – Лифт отсюда отлично просматривается. Не пропустим.

Джип ловко зарулил задом под колонну и остановился.

– Не нравится мне твой план, – вздохнул баритон.

– Он не только мой, – криво усмехнулся тенор.

– А если он не согласится, что тогда?

– Сомневаешься? Тогда сразу выходи из машины. – Тенор, прищурившись, смотрел на створки лифта.

– Я имею право сомневаться, – нервно потер горбатую переносицу баритон. – На кон слишком много поставлено.

– У меня к нему свой подход имеется. Не отвертится.

– Зря меня не послушались. – Баритон суетливо достал сигареты, протянул спутнику. – Надо было только своих задействовать.

– Наши приметные. Там, где несколько кавказцев появляются, «мусора» сразу тут как тут. Нам такое не нужно.

– Курить будешь?

– Нет, – отрицательно покачал головой тенор.

Баритон несколько раз щелкнул зажигалкой. Огонек так и не появился.

– И газ кончился, – разочарованно произнес он.

Тенор вдавил прикуриватель, приспустил стекло. Баритон затянулся, и дым тонкой струйкой потек в щель.

– Сколько нам ждать?

– Сколько надо, столько и будем, – пожал плечами тенор. – Обычно он в двенадцать выезжает. Но не факт, что сегодня так будет. Он сам себе начальник.

– Хреновое у меня предчувствие, – вздохнул баритон.

– Не мандражируй. Ему не с руки нас сдавать, у самого рыльце в пушку. Все сложится и срастется.

– Какое рыльце? Какой пушок? – взволнованно взмахнул баритон, и столбик пепла упал ему на колени.

– Просто так любил говорить тот, к кому мы приехали. Смотри, штаны себе не прожги.

– Уже прожег, – скривился баритон.

– Сочувствую.

Обладатель баритона загасил в пепельнице недокуренную сигарету и проворчал:

– Ненавижу ждать.

– И я не люблю. Только ничего тут не поделаешь. – Тенор откинулся на спинку сиденья. – Кучеряво наш клиент живет. Я и не думал тогда, что так круто развернется.

Лампочки на панели лифта заморгали, и он, оживившись, подался вперед, чтобы лучше видеть.

Створки кабинки лифта разошлись, и из нее вышел высокий холеный мужчина, явно с военной выправкой. На нем был непристойно дорогой костюм в серебряную полоску, светло-синий галстук туго стягивал шею. Куртку, подбитую мехом, он нес в руках.

– Появился, не запылится, – мечтательно произнес тенор. – Вон, как деньги людей меняют.

Холеный мужчина в дорогом костюме неспешно проследовал к новенькому кроссоверу «БМВ». Коротко пискнула сигнализация, моргнули габариты.

– Сам перед собой красуется, – тихо заметил тенор, положив пальцы на ключ зажигания.

Житель элитного дома сел за руль, но выехать со стоянки так и не успел. Черный джип резко выдвинулся из-за колонны и перекрыл ему дорогу. «БМВ» мигнул фарами, но джип остался стоять на месте.

– Черт, да что же это такое? – Мужчина выбрался из-за руля, подошел к джипу и попытался заглянуть в стекло. Рассмотреть водителя он не смог и постучал костяшками в дверцу:

– Эй, вы что, не видите? Вы мне выезд перекрыли.

В ответ ему было полное молчание. Он вновь пригнулся, но ничего, кроме собственного отражения, в стекле не увидел.

– Дорогу освободи, или я охрану вызову, – занервничал мужчина.

И вновь из джипа ничего не ответили. Он рванул на себя дверцу, но та оказалась заблокирована.

– Отъезжай! – несильно ударил мужчина ладонью по капоту.

И тут боковое стекло медленно поползло вниз.

– Слушай, чего ты нервный такой? – проговорил тенор.

Услышав кавказский акцент, тот сразу напрягся, заглянул в салон и, отшатнувшись, прошептал:

– Ты?..

По тону было понятно, что он дорого дал бы, чтобы за рулем джипа оказался кто-нибудь другой, пусть даже и черт с рогами.

– Вижу, помнишь. Что, не ждал? – усмехнулся тенор, открывая дверцу.

– Мы же договорились, что разбегаемся навсегда, – дрогнувшим голосом произнес холеный мужчина. – Я тебе ничего не должен.

– Это как сказать, – хмыкнул тенор. – Ты считаешь, что мы в расчете, а я другого мнения. Как в песне поется: «Ничто на земле не проходит бесследно». Слышал такую?

– Слышал... – растерянно ответил мужчина, лицо его осунулось, от прежней жизнерадостности не осталось и следа. – Откуда ты взялся?

– Фильм такой есть про «зловещих мертвецов». «Иногда они возвращаются» называется. Так это про нас. Понял?

– Сколько ты хочешь? – упавшим голосом проговорил жилец элитного дома.

– Не в деньгах счастье, – ухмыльнулся тенор, поняв, что зацепил собеседника. – Откупиться не получится. Да, счастье не в деньгах, а в их количестве, – хохотнул он. – Я не грабить тебя приехал, у меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

– Какое еще предложение?

– Денежное.

– Почему ты ко мне обратился?

– Ты молчать будешь как рыба. – Тенор выбрался из машины, взял с приборной панели планшетник, провел пальцем по экрану. – Все готово. Давай к тебе в машину. Интересное хоумвидео посмотришь. Увлекательное зрелище. С сердцем у тебя все в порядке? Не хотелось бы, чтобы ты коньки отбросил.

– Что там у тебя?

– Сам посмотришь. Забирайся на заднее сиденье.

Мужчины устроились на заднем сиденье «БМВ». Руки у холеного подрагивали, а в голове крутилась и крутилась фраза «иногда они возвращаются».

– Наушники надень. Никого лишнего рядом нет, но тебе самому не захочется, чтобы запись звучала громко.

Холеный мужчина послушно вставил фишки миниатюрных наушников. Тенор клюнул планшетник ногтем, на мониторе пошла запись. Пока шел просмотр, кавказец глядел в окно.

– Ну, ты и подлец, – прошипел холеный, вытащив наушники.

– Это ты подлец, – мягко усмехнулся тенор, – но нам подлец и нужен.

– Кому – нам?

– Сейчас ты все узнаешь. И учти, это не предложение, от которого можно отказаться. Это ультиматум. Иначе запись с планшетника окажется там, где ты бы не хотел. Я ясно излагаю?

– Яснее некуда. Один не мог приехать?

– Одному стремно. Ты же нервный, вдруг душить бы бросился. В твоём положении всего ожидать можно. Ну, так вот, слушай.

Тенор склонился к уху холеного и зашептал. Жилец элитного дома беззвучно шевелил губами, словно повторял услышанное.

– ... вот такие пироги с котятами, – легкомысленно подытожил тенор.

– А если я откажусь? – без особой надежды произнес холеный мужчина.

– Не откажешься. Деваться тебе некуда. Так что и не дергайся. – Тенор взял планшетник, зажал в кулаке наушники и, не прощаясь, выбрался из «БМВ».

Джип тихо заурчал мотором и неторопливо покатыл к выезду с паркинга. Холеный проводил машину взглядом и замотал головой, словно пытался убедить себя, что произошедшее с ним – видение, от которого можно избавиться, и шепча: «Черт! Черт! Черт!»

Зачирикал мобильник, лежавший на приборной панели. Он вздрогнул, потянулся за ним, с опаской посмотрел на экран и проговорил, стараясь, чтобы голос не срывался:

– Да, слушаю.

– Где ты? – раздался в динамике приятный женский голос.

– На светофоре стою.

– Не забыл, мы сегодня вечером в гости идем?

– Не получится у меня.

– Но мы же договорились.

– Человек предполагает, а Бог располагает, – вздохнул мужчина. – Дела у меня срочные появились. Надо разгрести. Поздно сегодня вернусь. Ты уж без меня иди.

– Вот так у тебя всегда. Раньше ты другим был.

– Все мы раньше другими были. Извини, светофор переключился, трогаться надо. Конец связи.

Он отключил мобильник и бросил его на сиденье рядом с собой, зажмурился, вновь потряс головой, затем резко вскинул ее и посмотрел на свое отражение в зеркальце заднего вида. Встретившись глазами с собственным взглядом, подумал, что смотрит на чужого, почти незнакомого ему человека. И этот человек запуган, нерешителен.

– У меня нет другого выхода, – проговорил он. – Понимаешь? Нет выхода.

И тут ему показалось, что он услышал ответ:

«Выход всегда есть».

Холеный видел в узком зеркальце лишь часть своего лица.

«Я спокоен, спокоен», – принялся он уговаривать самого себя.

Глава 5

Князева вытащили из его железной тюрьмы ранним утром. Руки, ноги заоченели так, что даже после того, как с него сняли веревки, Богдан не мог стоять.

– Поумнел за ночь? – спросил Сулейман.

Бывший прапорщик хотел послать его куда подальше, но из простуженного горла вырвался лишь нечленораздельный хрип.

– Не слышу, но вижу, что поумнел, – удовлетворенно проговорил Сулейман.

Кровь понемногу растекалась по телу. Наконец Богдан сумел сесть и осмотреться. Он находился на огороженном высоким забором участке, посреди которого торчал вкопанный в землю столб с крюком на высоте чуть выше человеческого роста. Снег большими хлопьями сыпал с хмурого неба. Под самым забором топтались бесправные грузчики-гастарбайтеры и пяток бомжей – переборщиков гнилья. Перед ними прохаживались те самые вчерашние охранники, которым Богдан неплохо ввалил.

– Смотри, не сдох, – хохотнул любитель пострелять из травматика.

– Живучий, – подтвердил его товарищ.

– Уроды, – прохрипел Князев.

– Ты на себя посмотри, – прозвучало в ответ.

Богдан все еще был слаб, его покачивало, кружилась голова. Он нагнулся, зачерпнул пригоршней снег и растер им лицо. После чего ему показалось, что дневной свет стал ярче.

– Время не ждет, – напомнил Сулейман. – Начинайте.

Охранники схватили Князева, подтащили к столбу, сорвали с него телогрейку, стащили свитер, содрали рубашку и высоко, к самому крюку, привязали руки. Сулейман потрогал разбитую губу, по-верблюжьи выпятив ее, и с отвращением произнес:

– Вот, ты и за них заступался, – показал он на гастарбайтеров и бомжей. – Смелый очень. Правды искал. И нашел свою правду. Она, знаешь, в чем?

– Знаю, – прохрипел Князев.

– Не знаешь ты еще. Правда в том, что ее нет на этом свете.

Богдан еще не понимал, к чему клонит Сулейман.

– Пошел ты! – проговорил он непослушным языком и, собравшись с силами, плюнул в сторону надсмотрщика, но плевков не долетел, упал в снег.

– Сейчас ты поймешь, что твоей справедливости, твоей правды нет и не бывает, – ухмыльнулся Сулейман и махнул рукой охранникам.

Неулыбчивый громила шагнул к грузчикам, сбросил с плеча сложенную в две стопки толстую разлохмаченную веревку, вложил ее в руки пожилого кавказца.

– Будешь жалеть, самого к столбу привяжем, – пообещал он.

– Я не буду его бить, – неуверенно проговорил грузчик.

– Будешь. Я так сказал, – подтолкнул его в спину охранник.

Пожилой кавказец нерешительно шагнул к Князеву и прошептал:

– Извини. Но я должен. Иначе...

– Что ты там шепчешь? – гаркнул охранник. – Бей!

Грузчик несильно взмахнул рукой, веревка опустилась на голую спину Богдана.

– Сильней! – прозвучал приказ Сулеймана.

– Бей, я все понимаю, – одними губами проговорил Богдан.

На этот раз веревка опустилась сильнее. Князев почувствовал, как саднит содранная со спины кожа. Охранники подгоняли грузчиков, каждый должен был принять участие в экзекуции. Свистела веревка, крупными хлопьями капала на снег кровь. Через какое-то время Богдан

уже не ощущал боли. Ему стало все равно, что с ним произойдет дальше. Гастарбайтеры уже прошли по второму кругу.

– Хватит, – внезапно скомандовал Сулейман. – Так будет с каждым, кто посмеет поднять на меня руку. Теперь за работу.

Охранники погнали грузчиков и бомжей к выходу. Обессиленный Князев буквально висел на руках, ноги сами собой подгибались. Сулейман подошел, взял его за подбородок и заглянул в лицо.

– Это еще не все, – пообещал он.

Надсмотрщик говорил что-то еще, но Богдан его уже не слышал. Он с трудом держал веки открытыми. Затем все поплыло перед глазами, и он потерял сознание.

– Что с ним делать? – спросил охранник.

– Пусть еще повисит, пока не очухается, – небрежно бросил Сулейман. – А там, на ваше усмотрение.

Охранник поднял рубашку Князева со снега, вынул из кармана сложенную вчетверо бумагу.

– Смотри, направление в военный госпиталь, просроченное...

Сколько времени провисел на столбе, Богдан не знал. Он очнулся резко, от боли, ему показалось, что в спину ему всадили раскаленный прут. Первое, что он увидел, это свежий снег под ногами, сквозь который проступали кровавые пятна. Богдан вскинул голову. Неподалеку от него стояли двое охранников и спорили. Они еще не заметили, что их пленник пришел в себя, а потому были предельно откровенны.

– ...мужик свое получил, – говорил рослый грома, ковыряя носком ботинка разломанную веревку. – К тому же он десантура – наколку у него на плече видел? А десантуру я уважаю. Нас двоих завалил, такое уметь надо. За это и получил свое. Эгих абреков мы на его примере воспитали. Вот и все. Отвязать его надо, и пусть идет на все четыре стороны.

– Отпустить? Так просто? – прищурился напарник. – После того что он с нами сделал на глазах у всех? Теперь же они нас в грош не будут ставить.

– И что предлагаешь?

– Из шланга его водой облить. Через час-другой на ветру льдом покроется, сдохнет.

– С телом что делать? Ты подумал?

– В лес завезем и выбросим. Менты никого искать не станут. Тут замерзших бомжей десятками подбирают.

– Тебе это надо? Лишнюю работу себе ищешь?

– А если он потом нас сдаст? – задал резонный вопрос любитель расправы. – «Жмурик»-то надежно молчать будет.

– Не нравится мне твой план, я бы его отпустил.

– Сулейман не для того нам сказал «на ваше усмотрение», чтобы мы его отпускали.

– Для чего тогда?

– Он нас проверяет. Дадим слабинку или нет? Ему жалостливые на базе сто лет не нужны. Ты работу потерять хочешь?

Князев попытался встать на ноги и застонал.

– Очухался, – недовольно проговорил охранник.

Его напарник стоял, задумавшись. Еще неизвестно, чья позиция в споре взяла бы верх, – отпустили бы Князева восвояси или обледеневшего вывезли за город. Но судьба распорядилась по-своему.

Заскрипела калитка в металлических воротах. Богдан с трудом разлепил набухшие веки. На огороженный участок зашли Сулейман, еще один кавказец, на руках которого сияли золотом и камнями массивные безвкусовые золотые перстни. Чуть в стороне от них держался мужчина славянской внешности в куртке, подбитой мехом.

– Вот он, – елеинным голосом проговорил Сулейман. – Потрепали его немного. Так заслужил.

Мужчина, пришедший с кавказцами, показался Князеву знакомым, но с точностью он не мог этого сказать. Все расплывалось перед глазами, набрякшие веки постоянно смыкались.

– Отвяжите его, быстрее, – попросил мужчина и, подойдя к Князеву, позвал: – Богдан...

– Кто... – хотел спросить Князев, но не договорил.

Охранники приподняли его, стали обрезать веревки. От боли он застонал. Свет снова померк, и он провалился в темноту.

Кавказец с перстнями на руках строго посмотрел на надсмотрщика и произнес приятным баритоном:

– Какого хрена ты его так уделал?

– Я ж говорил, заслужил. Если б я знал, что он вас заинтересует, – покачал головой Сулейман.

– Это он? – спросил у мужчины в куртке обладатель перстней.

– Он самый. Это точно. Сколько ты за него хочешь? – Вопрос был обращен к Сулейману.

Надсмотрщик замаялся, боясь продешевить. Соплеменник внимательно глянул на него и погрозил пальцем с надетым на него сверкающим перстнем, мол, не заламывай слишком много.

– Ну, если считать по ущербу, который он мне нанес... – начал Сулейман.

Мужчина в меховой куртке резко сунул руку в карман, вытащил пухлое портмоне, помаhal им перед носом у надсмотрщика, после чего запустил внутрь пальцы и стал вытаскивать по одной новенькие стодолларовые купюры. Сулейман жадно принялся их хватать, собирая в веер.

– Сто, двести, триста... – приговаривал мужчина в меховой куртке.

– ...четыреста, пятьсот... – повторял за ним Сулейман, согласно кивая.

Когда счет дошел до тысячи, мужчина в куртке остановился. Сулейман вопросительно поглядел на него, мол, а где же продолжение?

Продолжение и последовало, но не такое, на которое рассчитывал торговец живым товаром. Мужчина вырвал из веера одну купюру.

– Девятьсот, – произнес он, пряча сто долларов в портмоне.

Обладатель золотых перстней иронично усмехнулся, глядя на Сулеймана, мол, я же тебя предупреждал – не жадничать.

– Хорошо, тысяча, – сказал надсмотрщик, протягивая руку.

– Тысяча уже была, ты на нее не согласился. Теперь девятьсот, – пухлое портмоне исчезло во внутреннем кармане меховой куртки.

– Ладно, – с плохо скрываемой обидой произнес Сулейман. – Девятьсот, так девятьсот. По рукам. Зачем он вам понадобился?

– А вот это не твое дело. Несите его в машину.

Полуживого Князева подхватили охранники и уже бережно, как положено поступать с новоприобретенной вещью стоимостью под тысячу долларов, понесли за ворота к машине и уложили на заднее сиденье. «Благодетель» сбросил меховую куртку, прикрыл ею Князева, после чего стал рыться в автомобильной аптечке.

В сильных пальцах хрустнула завернутая в бинт ампула, тут же густо запахло нашатырным спиртом. Князев втянул носом воздух, вздрогнул и попытался открыть заплывшие глаза. Он мало что различал сквозь узкие щелочки, хоть и силился.

– Лежи, лежи... самое плохое для тебя окончилось. Не знаю уж, сам Бог или черт меня тебе послал, Богдан, – услышал он спокойный голос.

– Куда мы едем? – пробормотал Князев заплетающимся языком.

– Ни о чем не беспокойся. Все уже в порядке. Домой едем.

Богдан почувствовал, как его губ касается что-то металлическое, и сообразил, что это горлышко фляжки, сразу запахло коньяком.

– Глотни, полегчает. Согреешься.

Он послушался совета, глотнул, спиртное теплой волной покатило по телу. Избитому, замерзшему Богдану стало хорошо и спокойно. Кто-то побеспокоился о нем, теперь можно было не думать о ближайшем будущем, и он просто отрубился.

Глава 6

Князев пришел в себя. Тело болело, голова раскалывалась хуже, чем со страшного похмелья. Случившееся с ним тут же всплыло в голове, причем практически без провалов. Вот только лица того, кто его выкупил у Сулеймана, он так и не смог вспомнить, а от его спутника запомнились лишь золотые перстни с камнями. Оно и неудивительно, ведь из-за заплывших глаз он мало что мог рассмотреть.

Богдан повернулся на бок и только после этого сумел сесть на диване и осмотреться. Он находился в своей квартире. Вот только кто-то успел в ней слегка прибраться, во всяком случае, подмел пол. На кухне шумела вода, позвякивала посуда. Богдан привык к тому, что живет один, потому эти звуки поначалу показались ему слуховой галлюцинацией. Он сделал над собой усилие, поднялся на ноги и, придерживаясь за стены, пошел к кухне. Никогда ему еще дорога из единственной комнаты в кухню не казалась такой длинной и изнурительной.

Остановившись на пороге, Богдан некоторое время тупо смотрел, как какая-то женщина моет его посуду, а потом шумно вздохнул. Женщина обернулась.

– Лариса? – узнал он свою недавнюю знакомую, которая предлагала ему купить планшетник. – Ты как тут оказалась?

– Ложитесь быстрее! Вам ходить еще нельзя, – всполошилась Лариса.

– Уже можно. – Богдан отодвинул стул, сел, пошарил по столу, нашел пачку сигарет, вставил фильтр в разбитые губы и попросил: – Огоньку дай.

Лариса поднесла зажженную спичку к сигарете. Князев глубоко затянулся и тут же закашлялся.

– В вашем состоянии еще и курить? – возмущенно проговорила она.

– Какое такое состояние? Все нормально. А кашель, это от того, что я простыл. Зима на дворе.

– Это я заметила, – покачала головой Лариса. – Вечно мужчины хорохорятся. Идите, ложитесь. Что надо, я принесу, подам.

– Зеркало принеси, – попросил Богдан.

Лариса сбегала в комнату, но вернулась с пустыми руками.

– Где оно лежит? Я не нашла.

– В ванной сними, только не порежься, оно у меня треснутое.

Бережно неся расколотое зеркало в пластиковой раме, женщина зашла в кухню и встала перед Князевым, но как-то боком.

– Может, не надо? Завтра на себя посмотрите, – осторожно сказала она.

– Я не слабонервный. – Богдан ощупал свое лицо. – Кажется, не так и страшно. Поворачивай зеркало.

– Как хотите. – Лариса повернулась вместе с зеркалом.

Князев всмотрелся в свое отражение, с трудом узнавая себя. Под правым глазом чернел огромный синяк, разбитая губа распухла и растрескалась. Затем прошелся языком по зубам и довольно кивнул:

– Вроде все на месте. Повезло.

– Вы о чем?

– Зубы, говорю, все на месте, это уже хорошо. Честно говоря, думал, что будет хуже. – Он заглянул в вырез рубашки, увидел бинты, опоясывавшие грудь.

– Спина у вас вся измочалена. Пришлось забинтовать, – пояснила Лариса.

– Так откуда ты тут взялась? – вернулся к началу разговора Князев.

– Деньги появились, я и решила зайти отдать. Они же имеют способность быстро улетучиваться.

- С этим спешить не надо было. Обошелся бы.
 - Пришла, позвонила, никто не открыл. Только стала спускаться, смотрю, вас несут.
 - Кто нес? – живо поинтересовался Князев.
 - Ну, этот, друг ваш и с ним какой-то тип с перстнями золотыми, кавказец.
 - Какой друг?
 - Откуда я знаю? Это он назвался вашим другом.
 - Нет у меня друзей, – пожал плечами Князев. – Хоть зовут его как?
 - Не знаю. Я и не спросила. Как увидела вас в таком состоянии, чуть в обморок не хлопнулась. Он поинтересовался, кем я вам довожусь.
 - И что ты ему сказала?
 - Сказала, что я ваша подруга. Боюсь, он не совсем правильно меня понял.
 - Вот дела, – хмыкнул Богдан. – Не было у меня друзей последнее время, а тут – на тебе, друг и подруга в один день объявились.
 - Ну, он меня и попросил за вами присмотреть.
 - Ничего себе! Ты и согласилась?
 - Почему бы и нет? Вы для меня хорошее дело сделали. Я отблагодарить должна.
 - Мама-то как? Поправляется?
 - Лучше уже. – Лариса взялась за дверцу холодильника: – Есть хотите?
 - Может, и поел бы. Нопельменей не хочу, они горячие.
 - Почему сразу пельмени? Можно бутерброды сделать и соком запить, чтобы разбитую губу не тревожить. Вы томатный любите?
 - В холодильнике только пельмени и остались. Это я точно помню, – мрачно произнес Богдан, чувствуя себя неуютно из-за неустроенности своего холостяцкого быта.
 - Меня ваш друг на машине к магазину подбросил и назад привез. – Лариса распахнула холодильник, и тот оказался забит под завязку.
 - И это все на те две тысячи, что ты мне отдать пришла? – удивился Князев.
 - Ваш друг запретил мне тратиться, сам за все заплатил, да еще денег оставил. – Она подняла газету, лежавшую на столе, под которой лежали пять тысячных купюр и всякая мелочь вместе с монетами.
- Богдан вздохнул. Он ничего не мог понять. Какой-то таинственный друг пришел ему на помощь в критический момент жизни. Его чуть не убили охранники, а тот освободил. Привез домой, попросил Ларису присмотреть. Не было денег – подкинул на жизнь. Даже без всяких просьб.
- Что он еще говорил?
 - Сказал, что придет проведать.
 - Номер телефона не оставлял?
 - Спешил. Забыл, наверное. – Лариса склонила голову к плечу и спросила: – Если не секрет, кто вас так? Это же не просто драка, это похоже на пытку. Может, в полицию позвонить стоит?
 - Друг ничего об этом не рассказывал?
 - Я спрашивала, а он не захотел говорить на эту тему.
 - Ну, тогда и не надо тебе об этом знать.
- Лариса заварила и остудила чай, переливая его из кружки в кружку, сделала бутерброды с красной рыбой. Посидела за компанию, пока Князев ел. Затем спохватилась.
- Мне к маме в больницу пора. Могу завтра вас проведать.
 - Беги. Если несложно, принеси завтра сигарет. Без курева не жизнь, а мне самому с такой мордой на улице лучше не показываться, там дети ходят.
 - Я сигареты уже купила. Целый блок. Он в пакете вместе со сладостями на стуле в прихожей висит.

- Спасибо, – наконец-то догадался поблагодарить Ларису Богдан.
- Не за что. Так забежать мне завтра?
- Как получится. Будет время, заходи.

Лариса уже собиралась попрощаться, но вдруг хлопнула себя ладонью по лбу и воскликнула:

- Вот же! Совсем забыла, так закрутилась. Ваши деньги. Я же их даже не достала. На стол легли две тысячные купюры.

- Если тебе они нужны, позже отдашь. Мне не горит.

– Все, я побежала. – Лариса несколько секунд постояла, словно припоминая, чего еще не сделала, затем сказала: – Пока! – и выпорхнула из кухни.

Вскоре хлопнула входная дверь, щелкнул замок. Богдан осторожно почесал разбитую голову. Ему уже давно не приходилось болтать с женщинами. Конечно же, женщины в его «послевоенной» жизни случались, но в отношениях с ними была полная определенность. И он, и они четко знали, чего хотят друг от друга. В душу к себе после молодой казачки Кристины Давыдовой Князев никого не пускал. А сейчас он почувствовал, что Лариса еще появится у него, не пропадет с горизонта. При этом ему казалось, что он не испытывал к ней, как к женщине, равным счетом никаких эмоций.

Голова все еще кружилась. Богдан медленно побрел в комнату, лег на диван. С одной стороны, ему было спокойно. Холодильник полный, сигарет целый блок, деньги на какое-то время есть. Но впереди его ждала полная неопределенность. Прежней работы он лишился. Ходить куда-нибудь на службу каждый день? Это уже не его. Вольница последнего времени не то чтобы развратила, просто сделала более свободолобивым. Он понимал, что больше не сможет стерпеть над собой никакого начальства.

Князев лежал, прислушиваясь к собственному телу. Он по опыту знал, что восстанавливается быстро. Пройдет неделя, и он будет в полном порядке. Главное, что переломов нет. И если со здоровьем было более-менее ясно, то с положением, в котором он оказался, ясности не имелось никакой. Он явно был обязан неизвестному благодетелю, назвавшемуся его другом. Вот только с какой стати подоспела от него помощь? Что заставило расщедриться и тратить собственное время? В конце концов, кто он такой?

Час уплывал за часом. Уже стемнело, но Богдан свет не зажигал. То просто лежал в темноте, глядя в потолок, то засыпал. Внезапно его вывел из дремы зуммер домофона. Звонили так, как обычно звонят «свои» – три коротких сигнала. Богдан уже забыл, когда последний раз кто-то беспокоил его, а потому даже не стал подниматься. Он подумал, что кто-то из соседей или их гостей просто ошибся кнопкой. Сигнал повторился, а потом наступила тишина.

- «Ну вот, – подумал Богдан. – Понял человек свою ошибку».

Но полежать ему так и не пришлось. Снова раздался звонок, на этот раз уже во входную дверь.

- Да что же это такое?

Богдан поднялся с дивана и крикнул:

- Иду, иду!

Прихрамывая, добрался до двери и распахнул ее. Меньше всего он ожидал увидеть этого человека, последнее время казавшегося ему частью безвозвратно ушедшего прошлого.

– Георгий? – почему-то переспросил он, хотя сомнений в том, что перед ним стоит его прежний ротный командир капитан Бакланов, уже не оставалось.

- Оклемался слегка? Может, в дом пригласишь?

– Так это ты меня у кавказцев выкупил? – спросил Богдан, отступая на шаг и пропуская гостя в прихожую.

- Ну, я, – словно бы неохотно признался Бакланов, входя в квартиру.

От него пахло зимней свежестью и дорогой туалетной водой. Он сбросил куртку, подбитую мехом, положил ее на стул.

– Не разувайся, – предупредил Богдан, – у меня не убрано.

– Не прибедайся, – заглянул в комнату Бакланов. – Чисто у тебя, хоть и бедненько. – Он все же снял туфли и прошел к потертому креслу.

Воцарилось неловкое молчание. После армии мужчины не виделись, не созванивались. Единственное, что знал о Бакланове Богдан – Кристина Давыдова вышла за него замуж. Теперь приоткрылась еще одна новость о его жизни. Георгий, судя по одежде и замашкам, стал весьма обеспеченным человеком.

– Ты, что ли, не рад встрече? – спросил, наконец, Бакланов.

– Странно все получилось, – проговорил Богдан, опускаясь на диван.

– Ну, виноват я перед тобой. Но это же она сама так решила.

Князев понял, о ком говорит гость, и быстро ответил:

– В этом я тебя не виню.

– А в чем тогда винишь? Почему косо смотришь? – напряженно улыбнулся Георгий.

– Ни в чем я тебя не виню, – развел руками Князев. – Одно время думал, будто это ты случайно наш конвой сдал.

– И я на тебя думал. Дело-то такое. Кто-то сдал. Ребята погибли. Поневоле начнешь виноватых искать. – Георгий полез в портфель, выставил на стол бутылку коньяка.

– Я сейчас рюмки принесу, – поспешил подняться Князев.

– Сиди. Я сегодня пить у тебя не могу. За рулем. Я ненадолго. Вспомнил, что мы с твоей подругой выпить тебе ничего не купили, вот и заскочил на обратной дороге. Она у тебя ничего, поздравляю.

– Не с чем. Я бы и без выпивки обошелся. Как ты на оптовой базе оказался? Как про меня узнал?

Бакланов наставительно поднял указательный палец:

– Судьба занесла. Случается же такое. По бизнесу я слегка с владельцем базы пересекаюсь. Вот и приехал. И надо же, как раз этот твой, ну, как его там, с верблюжьими губами...

– Сулейман, – подсказал Богдан.

– Он самый, позвонил владельцу оптовой базы. Я как раз в кабинете был. Ну, когда твою фамилию и имя услышал, сразу же заинтересовался. Вдруг ты? Оказалось, так и есть. В рубашке ты родился. Второй раз смерть мимо тебя прошла.

Звучало не слишком убедительно, но Князев не обратил тогда на это внимания. Какой смысл Бакланову врать? Богдана беспокоило другое.

– Сколько ты за меня заплатил? Я отдам. Правда, не сразу, надо новую работу найти.

– Не парься и не делай лишних движений. Мы с тобой по-другому рассчитаемся. Работу пока не ищи. У меня к тебе есть предложение. Не пожалейшь.

– Какое? – тут же напрягся Богдан.

– Не волнуйся. С кавказцами у меня дел немного. Думаю, пересекаться с ними особо не придется. Ладно, не буду грузить. Приходи в себя и о деньгах не думай. А я пошел. Выпил бы с тобой, но дела подгоняют. Через пару дней встретимся, тогда и поговорим в другой обстановке.

– Спасибо тебе за все, – сказал Богдан, крепко пожимая на прощание руку бывшему капитану.

– Не за что. Это я перед тобой в долгу. До встречи, – кивнул Бакланов и покинул квартиру.

Глава 7

Яркое солнце золотило стройные колонны районного Дома культуры. Здание, построенное в стиле сталинского классицизма, смотрелось на фоне кавказских гор гордо и величественно, словно античный храм. На равнине, зажатой между кряжей, раскинулся многолюдный поселок, имеющий статус города.

К Дому культуры подтягивались местные жители. Судя по вывешенной на фасаде афише, их привлек смотр самодеятельных коллективов. Вообще-то по плану, согласованному с Министерством культуры, смотр должен был состояться через полтора месяца, но незаурядное обстоятельство изменило все планы – объявился солидный спонсор, пообещавший по возможности вложиться в народную культуру. На заднем дворе, в кинопроекторной, в кабинетах сотрудников самодеятельные артисты готовились к выступлениям. Каждому руководителю хотелось показать своих воспитанников в лучшем свете.

На площади рядком стояли старые «ПАЗики», потрепанные школьные автобусы, а то и просто грузовики с лавками в кузове, на которых приехали участники конкурса.

Директор Дома культуры – сухошавый остроносый старик со сморщенным от прожитых лет лицом вел тем временем в своем кабинете уважительную беседу с важным гостем, тем самым спонсором. О богатстве гостя свидетельствовали переливающиеся блеском безвкусные золотые перстни на обеих руках. Обычно мужчины, если и носят перстень, то не особо его демонстрируют. Спонсор же неприкрыто держал свои руки на краю стола.

– Уважаемый товарищ Ахмедов, – еще на старом советском ладе называл гостя директор. – Вы и представить себе не можете, какие таланты у нас сегодня собрались.

Руслана Ахмедова такое обращение не смущало. Он одинаково легко воспринимал, когда его называли господином, товарищем или же просто уважаемым.

– Охотно верю. В наших краях каждый мужчина умеет петь и танцевать, – благожелательно отозвался он и провел ладонями по лицу, словно молился.

– Мы пошли вам навстречу, учитывая вашу занятость и то, что вы профинансировали наш конкурс. Собрали коллективы раньше срока, – заискивающе посмотрел на спонсора директор. – Я понимаю, что всем помочь невозможно.

– Вы правильно понимаете. Я бизнесмен, а бизнес знает лишь одно занятие – получать прибыль. Если что-то и удается оторвать, то это себе в убыток.

– Культура – это святое. У нас есть приглашение на декаду в Москву для одного коллектива.

– Согласен. Именно поэтому я и решил помочь лишь одному из коллективов.

– Одному победителю? – резонно переспросил старик.

– Публика и жюри часто ошибаются, – улыбнулся толстыми губами Ахмедов. – Я больше полагаюсь на свой вкус. Кто мне понравится, тому и профинансирую поездку в Москву.

– Вы тоже можете ошибиться, уважаемый, – осторожно заметил директор.

– Но это будет моя ошибка за мои деньги, – возразил бизнесмен.

– Еще кофе? – предложил директор, но Ахмедов, вскинув руку, отказался.

– Не надо. Я хочу немного прогуляться по поселку. В молодости приходилось здесь бывать.

Он мечтательно глянул в окно, поднялся и вышел из кабинета. Директор тяжело вздохнул. Вскоре в кабинет проникли сразу трое руководителей разных коллективов.

– Ну что? – сразу с порога спросил хореограф – поджарый джигит с нездоровым блеском в глазах.

– Джамал, не сыпь соль на мои старые раны, – возвел директор глаза к потолку. – Должен вас всех огорчить. Он сам выберет коллектив, которому поможет деньгами. Так что рассчитывайтесь.

вать на поддержку публики и жюри не приходится. Самое большое, что достанется победителю конкурса, это грамота. Хотя, может, и совпадет. Думаю, что его сердце тронет хор мальчиков.

– Я не хочу ничего плохого сказать про хор мальчиков, но они же в ноты не попадают, – покрутил головой Джамал.

– Зато так трогательно смотрятся на сцене. А у уважаемого Ахмедова, должен сказать, слуха нет. Я его попросил мне подпеть, так лучше бы вовсе не просил.

Публика понемногу заполняла зал. Местные ценители искусства громко переговаривались, обсуждали поселковые новости. Между проходами бегали дети. Родителям приходилось их ловить и призывать к спокойствию. Директор Дома культуры стоял у выхода в фойе, непрерывно здоровался с входящими и нервно посматривал на часы. Конкурс должен был начаться уже десять минут назад, а Ахмедов все еще где-то прогуливался, не станешь же начинать без него. Какой тогда смысл в этой затее?

Наконец спонсор появился. Он буквально вскользя в ложу и сел в глубокой тени, не афишируя свое появление.

– Передай, что начинаем, – зашептал директор мальчишке – своему добровольному помощнику.

Тот тут же сорвался с места и заспешил по лестнице с криком:

– Начинаем!

Директор дал третий звонок, пропустил в зал опаздывающих и прикрыл за собой дверь. Красный плюшевый занавес с золотистой вышивкой открылся. На сцену под аплодисменты вышел ведущий в театральной бурке, поправил белую папаху и сказал несколько слов о сегодняшнем конкурсе, после чего представил членов жюри.

Публика, сидевшая в зале, встречала каждое объявление гулом голосов и хлопками. Директор продолжал стоять у входа, перенаправляя опоздавших на балкон, чтобы не мешали представлению, и поглядывал на спонсора, прятаншегося в полумраке ложи.

– А теперь встречаем квартет столетних аксакалов! – жизнерадостно объявил ведущий.

На сцену вышли вполне еще энергичные седобородые старики и лихо принялись исполнять лезгинку. Публика завелась с «полоборота». Но почему-то их выступление абсолютно не вдохновило Ахмедова. Он придирчиво пробежался взглядом по списку участников конкурса. Не заинтересовали его и отдельные исполнители, не тронул сердце даже хор мальчиков. Он лишь пару раз им похлопал, хотя жюри выставило мальчишкам наивысший бал.

Хореограф Джамал следил за выступлениями из-за кулис и каждый раз подмечал реакцию спонсора.

«Петь он не умеет. Так, может, его интересуют танцы?» – с надеждой думал он, и в глазах его плясали огоньки.

Ахмедов сидел, выпрямив спину, в полумраке таинственно поблескивали золотые перстни. Ведущий объявил выход мужского танцевального коллектива «Горная вершина». Джамал каждого своего самодеятельного актера лично напутствовал.

– Не подведи.

– Успеха.

– Не смотри в пол.

Лихие джигиты в количестве десяти человек вихрем вылетели на сцену. Они выбивали подошвами ритм, кричали «асса!», синхронно махали руками и поворачивали головы. Затем появились бутафорские кинжалы. Собственно говоря, танцевали только четверо. Остальные образовали круг, топали и хлопали в ладоши.

Ахмедов неожиданно приободрился, даже пересел поближе к парапету и тоже принялся хлопать, подбадривая танцоров. Солист, зажав кинжал в зубах, пошел по кругу. Полы бурок разлетались, стремительно мелькали ноги в мягких сапожках.

Когда номер закончился и публика захлопала, Ахмедов вытер лицо платком и вышел из ложи. Только директор и заметил его исчезновение. Выбор Ахмедова, а он, несомненно, остановил его на мужском танцевальном коллективе «Горная вершина», был для него странным. Старик уже смирился с тем, что спонсор поможет лишь одному коллективу, но если он хочет сэкономить, то почему решил помочь самому многочисленному из всех?

Ахмедов решительно зашел за кулисы, поманил к себе все еще продолжавшего сжимать кинжал в зубах солиста и спросил:

– Кто у вас здесь главный?

– Он, – указал солист на хореографа.

– Иди сюда, – подозвал его Ахмедов.

Хореограф заспешил к гостю.

– Вам понравилось? Меня Джамалом зовут. Джамал Расулов.

– А я – Руслан Ахмедов, – наскоро пожал руку бизнесмен. – Разговор есть, пошли.

Мужчины вышли на улицу и двинулись вдоль мелодично журчащего горного ручья.

– В Москву на декаду культуры народов Северного Кавказа ты со своими джигитами поедешь, – как о деле решенном, сказал Ахмедов.

– Было бы неплохо, – обрадовался хореограф. – У нас есть отличная программа. Мы ее еще нигде не показывали. Хотите посмотреть?

– Я в танцах особо не разбираюсь, – честно признался бизнесмен. – Да и времени нет. Я тебе верю. Говоришь, что хорошо, значит, хорошо. Поездку вашу я проплачу, не вопрос. Гостиница хорошая будет, командировочные, и транспорт мой – комфортабельным туристическим автобусом поедете.

Все, что слышал сейчас Джамал, казалось ему чем-то нереальным. Ведь он не успел даже ни о чем попросить спонсора, а тот уже сам предвосхищал возможные просьбы, к тому же разрешал их самым лучшим способом.

– Спасибо... спасибо... – только и успевал вставлять хореограф.

– И вот еще. – Ахмедов полез за пазуху, вытащил пухлый конверт, протянул хореографу: – Бери на непредвиденные расходы.

Джамал опешил, опасливо принял подношение и, заглянув внутрь, произвольно присвистнул.

– Ведомость... где подписать?

– Слушай, какая ведомость? Она тебе нужна?

– Я хотя бы расписку напишу. Деньги все же. Вы же не мне лично даете, а на дело.

– С чего ты взял, что не тебе? Хочешь, на коллектив раздай, хочешь, все себе забирай. Только я и ты про них знаем. Я тебя не стану спрашивать, на что ты их потратил.

Джамал не верил в чудеса, хотя всегда и ждал их. А сейчас нутром чуял, что такие люди, как Ахмедов, просто так деньги не дают. Он положил конверт в карман и посмотрел в глаза бизнесмену. Поймав его взгляд, тот еле заметно улыбнулся:

– От тебя совсем немного надо. С тобой несколько моих людей в Москву поедут со своим багажом.

– С реквизитом, что ли? Тоже артисты?

– Можно и так сказать. Всех их оформишь, как своих артистов. Список уже у тебя.

– Вы мне его не давали.

Улыбка Ахмедова стала еще шире.

– Список в конверте лежит. Ну, могут же еще пара десятков джигитов в бурках у тебя полукругом стоять и в ладоши хлопать.

– Могут, – растерянно произнес хореограф. Он уже считал лежавшие в кармане деньги своими и не нашел бы в себе сил вернуть их. К тому же спонсор просил о сущей мелочи. Всего-

то внести несколько фамилий в список. Он, в конце концов, платит, ему и решать. – А можно узнать... – хореограф сделал последнюю попытку «сохранить лицо».

Глаза добродушного спонсора тут же сделались злыми, и он резко ответил:

– Нет, нельзя. Я тебя не спрашиваю, что будет с моими деньгами, а ты меня не спрашиваешь, зачем мне это надо.

– Если проблемы с вашими э... танцорами у меня возникнут?

– Они не одни поедут. Их будет мой доверенный человек сопровождать. Специально обученный, чтобы проблемы решать. Он все разрулит.

Уже вечером, когда самодеятельные артисты сидели за накрытым столом, хореограф склонился к уху директора Дома культуры и спросил:

– А какой бизнес у нашего уважаемого спонсора?

– Кто ж его знает? Это раньше люди своей профессией гордились. С достоинством произносили: я – сталевар, я – танцор, я – писатель. А теперь и спрашивать страшно, человек обидеться может. Всякий бизнес бывает.

Глава 8

Лариса забежала к Богдану не на следующий день, а на третий.

– Могла бы и позвонить, – недовольно произнес Князев.

– Ты не рад мне?

– Я не это имел в виду, – ответил он. – Я через час на встречу иду. Могла и не застать меня дома.

– На встречу с кем? – Лариса постаралась задать вопрос нейтральным тоном, чтобы Богдан не понял, насколько ее волнует, что ему надо с кем-то встречаться.

Князев уловил ее волнение и сдержанно проговорил:

– Со своим другом в кафе встречаюсь, которого ты уже видела.

– Ты же не мог его вспомнить? – удивилась Лариса.

– Давно не виделись. Он и я сильно изменились за эти годы.

– Это точно. Во всяком случае, относительно тебя. Ты за последние дни так изменился, что мать родная не узнает.

– Моя мать умерла три года назад.

– Извини. Брякнула сдуру, не подумав. Мы так и будем стоять в дверях?

– Проходи. Но у нас мало времени.

Лариса тут же принялась выкладывать на тумбочку в прихожей продукты.

– Ты ко мне словно в больницу пришла – мандарины, сок, хлеб резаный с колбасой наструганной, будто у меня и рук нет. Спасибо, конечно, но я уже вполне самотранспортабельный. Могу и о себе, и о госте позаботиться.

Лариса положила на тумбочку блок сигарет:

– Кажется, такие, как ты куришь?

– Сойдут. Сколько ты на меня потратилась?

Она не ответила на этот вопрос, взглянула на Богдана и всплеснула руками:

– И ты в таком виде собираешься идти на встречу в кафе?

– Чем тебе мой вид не нравится?

– А ты не догадываешься? – Она деликатно поднесла свой тонкий палец к синяку под глазом.

Богдан глянул в зеркало. В полутемной прихожей мало что можно было рассмотреть, и он зажег свет.

– Ну и что? Нормальный такой себе фингал. Случаются и похуже.

– Таким ты из квартиры не выйдешь, я тебе не позволю, – строго сказала Лариса. – Тебя следует привести в божеский вид.

– Это каким же образом?

– Если причины катастрофы нельзя ликвидировать, их следует замаскировать. На это у нас времени хватит.

– Шрам на лице мужчины – предмет гордости, – заявил Богдан.

– Шрам, но не фингал, – возразила Лариса. – Пошли на кухню, там у тебя светлее.

Она усадила Князева напротив окна и вывалила на стол содержимое своей сумочки. Бутылочки с лаком, тюбики с помадой, карандаши с ручками, цифровой диктофон... Богдан с сомнением посмотрел на этот, по его пониманию, странный набор случайных вещей.

– Так, запрокинь голову и закрой глаза, – потребовала Лариса.

Князев подчинился. Теперь он ничего не видел, но услышал, как шелкнула пудреница, а потом тонкие, чувственные пальцы Ларисы коснулись его лица, и тампон с пудрой прошелся под глазом, а затем она тональным кремом осторожно замазала разбитую губу и сказала:

– Можешь открывать глаза. Я все сделала, причем по высшему разряду.

Богдан поднялся и подошел к зеркалу.

– По высшему разряду, – разглядывая себя в зеркале, хмыкнул он. – Тоже мне, сказанула. Я, как бы это покультурнее выразиться, не слишком по-мужски сейчас выгляжу.

– Зато синяков практически не видно. К тому же ты рассматриваешь себя сейчас в упор, а с расстояния никто ничего и не заметит.

– Правда?

– Правда.

– Придется поверить тебе на слово. Вот только в автобусе от меня пахнуть женской косметикой будет.

– Зачем тебе автобус? Я тебя подкину.

– Ты за рулем?

– А что здесь такого? Мало, что ли, женщин машины водят?

– Мне почему-то казалось, что у тебя машины нет.

– Ну, конечно. Если у гастронома планшетник продавала, то, выходит, я опустившаяся. У меня и работа хорошая, и заработок немаленький. Просто в тот момент все неудачно сложилось.

– Собираться надо, – взглянул на часы Князев.

– Я на кухне подожду, пока ты оденешься. Кстати, а в чем ты решил пойти?

– Только не надо меня учить, что мне надевать. Я всегда надеваю то, в чем себя удобно чувствую. Так мне комфортно.

– Ладно. Постараюсь удержаться от комментариев. Мне можно у тебя на кухне покурить? Или это исключительно мужская привилегия?

– Кури, если хочешь. Кстати, мне казалось, что ты не куришь.

– Тебе много чего кажется. – Лариса вела себя в запущенной квартире Князева вполне по-хозяйски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.